

УРОВНИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Когда предметом научного исследования является такой объект, как язык, то становится очевидным, что все вопросы относительно каждого языкового факта надо решать одновременно, и прежде всего надо решать вопрос о том, что следует считать языковым *фактом*, то есть вопрос о выборе критериев для его определения как такового. Коренное изменение, происшедшее в лингвистической науке, заключается в следующем: признано, что язык необходимо описывать как формальную структуру, но что такое описание требует предварительно соответствующих процедур и критериев и что в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют. Следовательно, ввиду исключительной сложности языка мы должны стремиться к упорядочению как изучаемых явлений (с целью их классификации в соответствии с определенным логическим принципом), так и методов анализа, чтобы создать непротиворечивое описание, построенное на основе одних и тех же понятий и критериев.

Основным понятием для определения процедуры анализа будет понятие *уровня*. Лишь с помощью этого понятия удастся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его *членораздельный характер* и *дискретность* его элементов. Только понятие уровня поможет нам обнаружить за всей сложностью форм своеобразие строения частей и целого. Понятие уровня мы будем изучать применительно к языку как органической системе языковых знаков.

Цель всей процедуры анализа заключается в том, чтобы выделить *элементы* на основе связывающих их *отношений*. Эта процедура состоит из двух взаимообусловленных операций, от которых зависят и все остальные: 1) сегментация и 2) субституция.

Рассматриваемый текст любой длины прежде всего должен быть сегментирован на все более мелкие отрезки, пока не будет

сведен к неразложимым далее элементам. Параллельно этому элементы отождествляются при помощи допустимых субституций. Так, например, франц. *raison* «разум» сегментируется на [r] — [ɛ] — [z] — [ɔ], где можно произвести подстановки [s] вместо [r] (=saison «сезон»); [a] вместо [ɛ] (=rasons — 1 л. мн. ч. глагола *raser* «бриться»); [y] вместо [z] (=rayon «луч»); [ɛ] вместо [ɔ] (=raisin «виноград»). Эти субституции могут быть перечислены: класс субститутов, возможных для [r] в [reizɔ], состоит из [b], [s], [m], [t], [v]. Применяя к остальным трем элементам в [reizɔ] ту же процедуру, получим перечень всех допустимых субституций, каждая из которых позволит в свою очередь выявить такой сегмент, который может быть отождествлен с некоторым сегментом, входящим в состав других знаков. Постепенно, переходя от одного знака к другому, мы можем выявить всю совокупность элементов и для каждого из них — совокупность возможных субституций. Таков вкратце метод дистрибутивного анализа. Этот метод состоит в том, чтобы определить каждый элемент через множество окружений, в которых он встречается, и посредством двух отношений: отношения к другим элементам, одновременно представленным в том же отрезке высказывания (синтагматическое отношение), и отношения элемента к другим, взаимоподставимым элементам (парадигматическое отношение).

Тут же отметим различие между обеими операциями в сфере их применения. Сегментация и субституция не одинаковы по охвату. Элементы отождествляются по отношению к другим сегментам, с которыми они находятся в отношении подставимости (субституции). Однако субституцию можно применять и к элементам, не выделяемым в качестве сегментов и не членимым далее (non segmentables). Если минимальные элементы, полученные путем сегментации (segmentables), идентифицируются как *фонемы*, то анализ можно продолжить глубже и выделить внутри фонемы *различительные признаки*. Но эти различительные признаки уже не имеют статуса сегментов, хотя они идентифицируются и могут быть подвергнуты субституции. В [d'] можно выделить четыре различительных признака: смычность, дентальность, звонкость, придыхательность. Никакой из признаков не может быть реализован сам по себе, вне фонетической артикуляции, в которой он выступает. Между ними нельзя установить и синтагматического порядка; смычность неотделима от дентальности, а придыхательность от звонкости. Тем не менее по отношению к каждому из них возможна субституция. Смычность может быть заменена фрикативностью, дентальность — лабиальностью, придыхательность — глоттализацией и т. п. Таким образом мы приходим к выделению двух классов минимальных элементов: элементы, одновременно поддающиеся операции сегментации и операции субституции, — фонемы, и элементы, поддающиеся только операции субституции, — различительные признаки фонем. Вследствие того, что различительные

признаки фонем не имеют статуса сегментов, они не могут образовывать синтагматических классов, но ввиду того, что они поддаются субституции, они образуют парадигматические классы. Следовательно, анализ вскрывает и различает два уровня: фонематический уровень, на котором возможны обе операции (сегментация и субституция), и субфонематический уровень, то есть уровень различительных признаков, на котором возможна только операция субституции, но не операция сегментации. Здесь предел лингвистического анализа. Все данные ниже этого предела, получаемые при помощи современной специальной техники, относятся к физиологии или акустике и являются внематематическими.

Таким путем мы приходим к двум нижним уровням анализа — к уровню минимальных сегментных единиц — фонем, то есть уровню *фонематическому*, и к уровню различительных признаков, которые мы предлагаем назвать меризмами (греч. *μερίσμα*, -ατος «отграничение»), то есть к *меризматическому* уровню.

Их отношение мы эмпирически определяем по их взаимной позиции как отношение двух последовательно достигаемых уровней: комбинация меризмов дает фонему, фонема разлагается на меризмы. Но каков языковой статус этого отношения? Мы выясним это, если продолжим анализ, и, поскольку спускаться ниже мы не можем, займемся высшим уровнем. Здесь нам придется оперировать с более длинными отрезками текста и выяснить, как надо производить операции сегментации и субституции, если нашей целью является получение не минимальных возможных единиц, а единиц большей протяженности.

Предположим, что в английском высказывании [li:vɪŋθɪŋz] «leaving things (as they are)» мы идентифицировали в разных местах 3 фонематические единицы: [l], [θ], [ŋ]. Постараемся выяснить, позволяют ли они выделить единицу высшего уровня, которая содержала бы эти единицы. Логически возможны шесть комбинаций указанных фонематических единиц: [lθŋ], [lɪθ], [θŋ], [θlɪ], [lθl], [lɪθ]. Мы видим далее, что, например, две из этих комбинаций действительно представлены в данном высказывании, но реализованы они таким образом, что имеют две общие фонемы, и мы вынуждены выбрать одну из них и исключить другую; в [li:vɪŋθɪŋz] это будет либо [lθl], либо [θŋ]. Сомневаться в ответе не приходится: мы отбросим [lθl] и возведем [θŋ] в ранг новой единицы /θŋ/. Чем будет обусловлено такое решение? Тем, что выявление новой единицы высшего уровня должно удовлетворять требованию осмысленности, — [θŋ] имеет смысл, а [lθl] бессмысленно. К этому присоединяется дистрибутивный критерий, который может быть получен раньше или позже в ходе описанного анализа, если проанализировать достаточное количество текстов: [ŋ] не допускается в начальной позиции, и последовательность [lθ] невозможна; в то же время [ŋ] принадлежит к фонемам, встречающимся в конечном положении, а [θl] и [lɪ] в равной степени возможны.

В самом деле, *осмысленность* — это основное условие, которому должна удовлетворять любая единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус. Подчеркиваем, единица любого уровня. Фонема получает свой статус только как различитель языковых знаков, а различительный признак в свою очередь — как различитель фонем. Иначе язык не мог бы выполнять свою функцию. Все операции, которые следует проделать в рамках рассматриваемого высказывания, предполагают это условие. Отрезок [ɐθɪ] неприемлем ни на каком уровне; он не может быть заменен никаким другим отрезком и не может заменить никакой другой; его нельзя считать свободной формой; он не находится в дополнительном синтагматическом отношении с другими отрезками высказывания. Сказанное о [ɐθɪ] в равной степени относится к отрезку, предшествующему ему, — [i:vi], или следующему за ним — [ɪz]. Для них невозможны ни сегментация, ни субституция. И напротив, анализ, опирающийся на смысл, выделит далее в [θɪɪz] две единицы: одну — свободный знак /θɪ/ и другую — /z/, который затем будет признан вариантом связанного знака /-s/. Вместо того чтобы стараться обойти «значение» и изобретать для этого сложные — и к тому же недейственные — приемы, оставляя только формальные признаки, лучше прямо признать, что значение является необходимым условием лингвистического анализа.

Следует только ясно представлять себе, каким образом значение входит в анализ и с каким уровнем анализа оно связано.

Уже из этого суммарного изложения методов анализа следует, что ни сегментация, ни субституция не могут быть применены к любым отрезкам речевой цепи. Действительно, ничто не позволяет определить дистрибуцию фонемы, объем ее комбинаторных, синтагматических или парадигматических возможностей, то есть саму реальность фонемы, если мы не будем постоянно обращаться к некоторой *определенной единице* высшего уровня, в состав которой данная фонема входит. В этом заключается основное условие, значение которого для настоящего анализа будет раскрыто в дальнейшем. Из всего этого следует, что данный уровень не является чем-то внешним по отношению к анализу: он *входит* в анализ; уровень есть способ анализа. Если фонема определима, то только как составная часть единицы более высокого уровня — морфемы. Различительная функция фонемы основана на том, что фонема включается в ту или иную определенную единицу, которая только в силу этого относится к высшему уровню.

Подчеркнем, языковая единица является таковой, только если ее можно идентифицировать *в составе* единицы более высокого уровня. Приемы дистрибутивного анализа не выявляют этого типа отношений между различными уровнями.

Таким образом, от фонемы мы переходим к уровню знака, кото-

рый может выступать в зависимости от условий в виде или свободной формы, или связанной формы (морфемы). Для краткости изложения здесь мы можем пренебречь этой разницей и рассмотреть все знаки как принадлежащие к одному классу, который практически совпадает со словом. Да будет нам дозволено, по тем же соображениям удобства, сохранить этот многократно осужденный, но незаменимый термин.

В функциональном отношении слово занимает промежуточную позицию, что связано с его двойственной природой. С одной стороны, оно разлагается на фонематические единицы низшего уровня; с другой — входит как значащая единица вместе с другими значащими единицами в единицу высшего уровня. Оба эти свойства необходимо несколько уточнить.

Утверждая, что слово разлагается на фонематические единицы, мы должны подчеркнуть, что это разложение имеет место даже тогда, когда слово состоит из одной фонемы. Например, во французском языке каждая из гласных фонем материально совпадает с каким-либо самостоятельным знаком языка. Иначе говоря, во французском языке некоторые означающие реализуются посредством одной гласной фонемы. Тем не менее при анализе таких означающих производится их разложение. Эта операция необходима для получения единиц низшего уровня. Франц. *a* (глагол *avoir* «иметь» — 3 л. ед. ч. индикат.) или *à* (предлог) будет анализироваться как /a/; франц. *est* (глагол *être* «быть» — 3 л. ед. ч. индикат.) — как /e/; франц. *ait* (глагол *avoir* — 3 л. ед. ч. конъюнкт.) — как /ɛ/; франц. *у* (адвербиальное местоимение), *hie* (техн. термин: «трамбовка, баба, пест») — как /i/; франц. *eau* «вода» — как /o/; франц. *eu* (причастие прошедшего времени от глагола *avoir*) — как /y/; франц. *où* «где» — как /u/; франц. *eux* «они» — как /ø/. Аналогично этому в русском языке возможны означающие, выраженные одной гласной или согласной фонемой: союзы *а, и*, предлоги *о, у, к, с, в*.

Труднее поддаются определению отношения между словом и единицей высшего уровня. Такая единица не является просто более длинным или более сложным словом. Она принадлежит к другому ряду понятий. Эта единица — предложение. Предложение реализуется посредством слов. Но слова не просто отрезки предложения. Предложение — это целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов. Слово — компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения. Но слово не обязательно выступает в предложении в том же самом смысле, который оно имеет как самостоятельная единица. Следовательно, слово можно определить как минимальную значимую свободную единицу, которая может образовывать предложения и которая сама может быть образована из фонем. Практически слово в основном рассматривается как синтагматический элемент — компонент эмпирических высказываний. Парадигматические отношения менее

важны, когда речь идет о слове как элементе предложения. Иначе обстоит дело, когда слово изучается отдельно, как лексема. В таком случае необходимо включить в состав лексической единицы все флективные формы и т. п.

Далее, при определении характера отношений между словом и предложением необходимо установить различия между *самостоятельными (автономными)* словами, функционирующими как компоненты предложения и составляющими подавляющее большинство всех слов, и словами *вспомогательными (несамостоятельными, синномными)*, которые могут выступать в предложении лишь в соединении с другими словами, например франц. *le (la...)* (определенный артикль муж. и жен. р.), *ce (cette ...)* «этот, эта», *mon (ton ...)* «мой, твой ...» или *de, à, dans, chez* (предлоги); однако не все французские предлоги относятся к вспомогательным словам: ср. (простореч.) *c'est fait pour* «это сделано специально», букв. «это сделано для»; *je travaille avec* «я работаю с ним (с ней, с этим)», букв. «я работаю с»; *je pars sans* «я уезжаю без этого», букв. «я уезжаю без». Это различие между автономными и синномными словами не совпадает с различием, которое проводится, начиная с Марти, между «автосемантическими» и «синсемантическими» словами. В разряд «синсемантических» слов включаются, например, вспомогательные глаголы, которые мы считаем автономными уже потому, что они глаголы, и особенно потому, что они прямо принадлежат строю предложений.

При помощи слов, а затем словосочетаний мы образуем *предложения*. Это есть эмпирическая констатация, относящаяся к следующему уровню, достигаемому в процессе последовательного перехода от единицы к единице. Этот переход представляется нам в виде линейной последовательности. Однако в действительности, что мы сейчас и покажем, дело обстоит совсем иначе.

Чтобы лучше понять природу изменения, которое имеет место, когда мы переходим от слова к предложению, необходимо рассмотреть, как сочленяются единицы в зависимости от их уровней, и тщательно вскрыть некоторые важные следствия, вытекающие из связывающих эти единицы отношений. При переходе от одного уровня к другому неожиданно проявляются ранее не замеченные особые свойства. Вследствие того, что языковые сущности дискретны, они допускают два типа отношений — отношения между элементами одного уровня и отношения между элементами разных уровней. Эти отношения необходимо строго различать. Между элементами одного уровня имеют место *дистрибутивные* отношения, между элементами разных уровней — *интегративные*. Лишь последние и нуждаются в разъяснении.

Разлагая единицу данного уровня, мы получаем не единицы низшего уровня, а формальные сегменты той же единицы. Если французское слово /*om*/ *homme* «человек» расчленить на [*o*] — [*m*], то мы получим только два сегмента. Ничто еще не доказывает, что

[ɔ] и [m] являются фонематическими единицами. Чтобы убедиться в последнем, необходимо прибегнуть к /ɔt/ *hotte* «корзина, ковш», /ɔs/ *os* «кость», с одной стороны, и к /om/ *heaume* «шлем, шишак», /ym/ *hume* (1 или 3 л. ед. ч.-глагола *humer* «втягивать, вдыхать») — с другой. Обе эти операции являются противоположными и дополнительными. Материально знак образуется своими конститутивными элементами, но единственная возможность определить эти элементы как конститутивные состоит в том, чтобы идентифицировать их внутри определенной единицы, где они выполняют *интегративную* функцию. Единица признается различительной для данного уровня, если она может быть идентифицирована как «*составная часть*» единицы высшего уровня, *интегрантом* которого она становится. Так, /s/ имеет статус фонемы, поскольку является интегрантом /-al/ *salle* «зал», /-o/ *seau* «ведро», /-ivil/ *civil* «штатский, гражданский; городской» и т. п. В силу того же отношения, перенесенного на высший уровень, /sal/ является знаком, потому что функционирует как интегрант в — *à manger* (*salle à manger*) «столовая»; — *de bains* «ванная комната» и т. д.; /so/ — знак, так как он является интегрантом в — *à charbon* «ведро для угля»; *un* — *d'eau* «ведро воды»; /sivil/ — знак, так как это интегрант в — *ou militaire* «штатский или военный»; *état* — «гражданское состояние»; *gueerre* — «гражданская война». Это «отношение интеграции» построено по той же модели, что и «пропозициональная функция» Рассела¹.

Каково место этого различия между конститутивными элементами и интегрантами в системе знаков языка? Сфера действия этого различия заключена между двумя границами. Верхняя граница — это предложение, которое содержит конститутивные единицы, но которое, как это будет показано ниже, не может быть интегрантом никакой другой единицы более высокого уровня. Нижняя граница — это «меризм», различительный признак фонемы, который не содержит в себе никаких конститутивных единиц, принадлежащих языку. Следовательно, предложение определяется только своими конститутивными элементами; меризм определяется только как интегрант. Между этими двумя границами четко выступает промежуточный уровень, уровень знаков — автономных или синномных, слов или морфем, которые одновременно содержат конститутивные единицы и функционируют как интегранты. Такова структура этих отношений.

Какую же функцию несет это различие между конститутивной и интегративной единицей? Эта функция имеет основополагающее

¹ B. Russel, *Introduction à la Philosophie mathématique*, франц. перев., стр. 188 «Пропозициональная функция» — это выражение, содержащее один или несколько неопределенных компонентов, таких, что, когда они получают то или иное значение, это выражение становится высказыванием... «*x — человек*» является пропозициональной функцией. Пока *x* остается неопределенным, это выражение не является ни истинным, ни ложным. Как только *x* получает определенное значение, указанное выражение становится истинным или ложным высказыванием».

значение. Мы думаем, что именно в ней заключен тот логический принцип, которому подчинено в единицах различных уровней отношение *формы и значения*.

В этом и заключается проблема, вставшая перед всей современной лингвистикой. Соотношение формы и значения многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удалось избавиться от ее коррелята — значения. Чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки — оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает.

Форма и значение должны определяться друг через друга, и повсюду в языке их членение совместно. Их отношение, как нам представляется, заключено в самой структуре уровней и в структуре соответствующих функций, которые мы называли «конститутивной» и «интегративной».

Когда мы сводим языковую единицу к ее составляющим, то тем самым мы сводим ее к ее *формальным* элементам. Как было сказано выше, разложение одной языковой единицы не приводит автоматически к установлению других единиц. Даже в единице самого высшего уровня, в предложении, разложение на составляющие приводит к выявлению только формальной структуры, как это происходит всякий раз, когда некоторое целое разлагается на части. Известную аналогию этому мы находим в графике. По отношению к написанному слову составляющие его буквы, взятые по отдельности, являются лишь материальными сегментами, не содержащими никакой части этой единицы. Если мы составим слово *samedi* «суббота» из шести детских кубиков, на каждом из которых написана одна буква, то нельзя утверждать, что с каждым кубиком — с кубиком М, кубиком А и т. д. — соотносится $\frac{1}{6}$ (или какая-либо другая часть) слова как такового.

Итак, производя разложение языковых единиц, мы выделяем из них лишь формальные конститутивные элементы.

Что же нужно для того, чтобы признать эти формальные конституенты единицами определенного уровня? Необходимо провести обратную операцию и проверить, будут ли конституенты выполнять функцию интегрантов на более высоком уровне. Суть дела заключается именно в этом: разложение языковых единиц дает нам их формальное строение; интеграция же дает значимые единицы. Фонема, являясь различителем, выступает вместе с другими фонемами интегрантом значимых единиц, в которых она содержится. Эти знаки включаются в свою очередь как интегранты в единицы высшего уровня, несущие смысловую информацию. Анализ проводится в двух противоположных направлениях и приводит к выявлению либо формы, либо значения в одних и тех же языковых единицах.

Теперь мы можем сформулировать следующие определения:

Форма языковой единицы определяется как способность этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня.

Значение языковой единицы определяется как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня.

Форма и значение, таким образом, выступают как совмещенные свойства, обязательно и одновременно данные, неразделимые в процессе функционирования языка². Их взаимные отношения выявляются в структуре языковых уровней, раскрываемых в ходе анализа посредством нисходящих и восходящих операций и благодаря такой особенности языка, как членораздельный характер.

Однако понятие значения имеет и еще один аспект. Может быть, проблема значения запутана так именно потому, что эти оба аспекта не различались.

В языке, состоящем из знаков, значение языковой единицы заключается в том, что она имеет смысл, что она значима. Это равносильно тому, что языковая единица идентифицируется ее способностью подставляться в «пропозициональную функцию». Это необходимое и достаточное условие для признания ее значимой единицей. При более глубоком анализе нужно было бы перечислить все «функции», в которые ее можно подставить, и — в пределе — составить их полный перечень. Такой перечень был бы довольно ограничен для таких слов, как *мезон* или *хризопраз*, и очень велик для слов типа *дело* или *один*, но это различие несущественно; в любом случае названный перечень подчиняется одному и тому же принципу идентификации единиц через их способность к интеграции. В любом случае можно определить, обладает в данном языке тот или иной отрезок «значением» или нет.

Совершенно другой проблемой является вопрос о том, *каково* это значение. Здесь «значение» рассматривается уже в ином аспекте.

Когда говорится, что данный элемент языка (короткий или протяженный) обладает значением, то под этим подразумевается способность, которой данный элемент обладает как означающее, образовать единицу, ограниченную от других единиц и опознаваемую носителем данного языка, то есть тем, для кого этот язык является единственным Языком. Это значение имплицитно, оно внутренне присуще языковой системе и ее составным частям. Но в то же время язык соотнесен и с миром предметов, причем как глобально — в полных высказываниях, имеющих форму предложений, которые относятся к конкретным и неповторимым ситуациям, — так и расчлененно — посредством единиц низшего уровня,

² Ф. де Соссюр, по-видимому, также понимал «значение» как внутреннюю составную часть языковой формы, хотя это и выражено у него в виде сравнения, которым он опровергал другое сравнение: «Эту двустороннюю единицу (ассоциацию означающего и означаемого) часто сравнивали с единством человеческой личности, состоящей из тела и души. Такое сравнение малоудовлетворительно. Более точным было бы сравнение с каким-либо химическим соединением, например с водой; вода — соединение кислорода с водородом; взятый каждый в отдельности, ни один из этих элементов не обладает свойствами воды» («Курс общей лингвистики», 2-е франц. изд., стр. 145).

которые относятся к «предметам» общим или отдельным, взятым из опыта или порожденным языковой условностью. Каждое высказывание и каждый член высказывания обладает референцией, знание которой возникает вместе с усвоением родного языка; сказать же, *каков* референт (*référénd*), описать его и охарактеризовать его специфику — это иная, подчас очень трудная задача, которая не имеет ничего общего со свободным владением языком. Мы не можем сейчас подробно останавливаться на всех последствиях этого различия второго аспекта понятия значения. Достаточно поставить вопрос, чтобы тем самым уточнить понятие «значение» и отличить его от понятия «обозначение». И то и другое необходимо. Мы снова встречаемся и с тем и с другим, различными, но тесно связанными между собой понятиями, на уровне *предложения*.

Итак, мы достигли последнего уровня нашего анализа, уровня *предложения*, о котором уже говорилось, что этот уровень представляет собой не просто следующую ступень в удлинении анализируемого сегмента,— переходя на уровень предложения, мы переступаем границу, отделяющую нас от другой области.

Новым здесь является прежде всего критерий, которым определяется этот тип единиц. Сегментировать предложение мы можем, но мы не можем сделать его интегрантом какой-либо другой единицы более высокого уровня. Пропозициональной функции, в какую можно было бы подставить предложение, не существует. Следовательно, предложение не может быть интегрантом для единиц других типов. Это объясняется прежде всего той особенностью, какая присуща только предложению и отличает его от всех других единиц, т. е. *предикативностью*. Все другие свойства предложения являются вторичными по отношению к этой особенности. Число знаков, входящих в предложение, не играет никакой роли: как известно, достаточно одного знака, чтобы выразить предикативность. Точно так же не обязательно наличие «субъекта» (подлежащего) при предикате. Предикативный член предложения достаточен сам по себе, так как он детерминирует «субъект». «Синтаксис» предложения является только грамматическим кодом, который обеспечивает правильное размещение его членов. Различные интонационные контуры не универсальны и лежат в области субъективных оценок. Следовательно, единственным признаком предложения является его предикативный характер. Предложение мы отнесем к *категорематическому* уровню³.

Что же обнаруживаем мы на этом уровне? До сих пор название уровня соответствовало рассматриваемой языковой единице. Фонематический уровень — это уровень фонем; действительно, существуют конкретные фонемы, которые можно выделять, комбинировать, перечислять. Но существуют ли категоремы? Предикатив-

³ Греч. *категорема* = лат. *praedicatum*.

ность — основное свойство предложения, но она не является единицей. Разных видов предикации не существует. И ничего не изменилось бы от замены термина «категорема» термином «фразаема»⁴. Предложение не является формальным классом, куда бы входили единицы — «фраземы», разграниченные и *противопоставимые друг другу*. Все типы предложений, которые можно было бы различить, сводятся к одному — предложению с предикативностью. Вне предикации предложения не существует. Следовательно, нужно признать, что категорематический уровень включает только одну форму языковых единиц — предложение. Оно не составляет класса различимых единиц, а поэтому не может входить составной частью в единицу более высокого уровня. Предложение может только предшествовать какому-нибудь другому предложению или следовать за ним, находясь с ними в отношении последовательности. Группа предложений не образует единицы высшего уровня по отношению к предложению. Языкового уровня, расположенного выше категорематического уровня, не существует.

Ввиду того что предложение не образует формального класса противопоставленных единиц, которые были бы потенциальными членами более высокого уровня, как это свойственно фонемам или морфемам, оно принципиально отлично от других языковых единиц. Сущность этого различия заключается в том, что предложение содержит знаки, но само не является знаком. Коль скоро мы это признаем, станет явной противоположность между сочетаниями знаков, которые мы встречали на низших уровнях, и единицами рассматриваемого уровня.

Фонемы, морфемы, слова (лексемы) могут быть пересчитаны. Их число конечно. Число предложений бесконечно.

Фонемы, морфемы, слова (лексемы) имеют дистрибуцию на своем уровне и употребление на высшем. Для предложений не существует ни законов дистрибуции, ни законов употребления.

Список употреблений одного слова может быть не закончен. Список употреблений предложения не может быть даже начат.

Предложение — образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь (*le discours*).

В самом деле, это два различных мира, хотя они охватывают одну и ту же реальность; им соответствуют две разные лингвистики, пути которых, однако, все время пересекаются. С одной стороны, существует язык как совокупность формальных знаков, выделяемых посредством точных и строгих процедур, распределенных по иерархическим классам, комбинирующихся в структуры и системы; с другой — проявление языка в живом общении.

⁴ Поскольку существует термин «лексема» от греч. λέξις, то ничто не мешает создать «фразему» от греч. φρασις «предложение».

Предложение принадлежит речи. Именно так его и можно определить: предложение есть единица речи. Подтверждение этому состоит в том, что предложению присущи определенные модальности. Повсеместно признано, что существуют предложения утвердительные, вопросительные, повелительные, отличающиеся друг от друга специфическими чертами синтаксиса и грамматики, но одинаково основанные на предикации. Эти три модальности отражают три основные позиции говорящего, который воздействует на собеседника своей речью: говорящий либо хочет передать собеседнику элемент знания, либо — получить от него информацию, либо — приказать что-то сделать. Именно эти три связанные с общением функции речи запечатлены в трех формах модальности предложения, соответствуя каждая одной из позиций говорящего.

Предложение — единица в силу того, что оно является сегментом речи, а не в силу того, что оно противопоставляется другим единицам того же уровня. Но предложение является полной единицей, которая имеет одновременно и смысл и референцию: смысл — потому, что оно несет смысловую информацию, а референцию — потому, что оно соотносится с соответствующей ситуацией. При общении людей общей как раз и является определенная соотнесенность с ситуацией, без чего коммуникации как таковой не происходит: ведь даже если «смысл» и понятен, а «референция» не известна, коммуникация не имеет места.

В этих двух свойствах предложения мы видим условие, которое делает возможным его анализ самим говорящим начиная с момента обучения речи и в ходе постоянного применения языка в любой ситуации. Постепенно говорящий начинает постигать бесконечное многообразие передаваемых содержаний, контрастирующее с малым числом употребляемых элементов. Отсюда он, по мере того как система становится для него привычной, бессознательно извлекает чисто эмпирическое представление о знаке, который можно было бы, в рамках предложения, определить следующим образом: знак есть такая минимальная единица предложения, которую можно опознать как идентичную в другом окружении или заменить другой единицей в идентичном окружении.

Говорящий, после того как он воспринял знаки в облике «слов», может остановиться на этом. Лингвистический анализ начинается для него — в практике речи — с предложения. Когда же лингвист пытается выявить уровни анализа, то он идет в обратном направлении, отталкиваясь от элементарных единиц, и приходит к определению предложения как единицы высшего уровня. Именно в речи, реализованной в предложениях, формируется и оформляется язык. Именно здесь начинается речевая деятельность. Можно было бы сказать, перефразируя классическое изречение: *nihil est in lingua quod non prius fuerit in oratione* «нет ничего в языке, чего не было бы раньше в речи».